

Администрация МО «Аларский район»
Отдел культуры
Муниципальное учреждение культуры
«Межпоселенческая центральная
библиотека-музей им.А.Вампилова»

Александр Ульянов

Живи и радуйся

Рассказы

п. Кутулик

Ульянов, А. Живи и радуйся [Текст]: Рассказы.- Кутулик, Межпоселенческая центральная библиотека-музей им.А.В. Вампилова; Сост.: Шагисултанова Р. Х., 2011.-38 с.

© Ульянов А.С., 2011

© МБУК «Межпоселенческая центральная библиотека-музей им. А. В. Вампилова»

ЖИВИ И РАДУЙСЯ

Слесарь паровозного депо, угодивший в ночную смену под локомотив, умирал мучительно долго. Врачи старательно хлопотали над телом Ивана Медникова, но жизнь уходила, не оставляя никаких шансов на спасение. Из коридора линейной больницы всю неделю не уходили жена Наталья Прокопьевна со старшим сыном Алексеем и друзья Ивана, стараясь поддержать и утешить родных, но чем дальше, тем неубедительнее звучали они и настал час, когда врачи накрыли тело белой простыней и затворили дверь операционной.

Все расходы и хлопоты, связанные с похоронами, взяли на себя старые железнодорожники, знавшие покойного много лет по совместной работе, а после сороковин положили на стол собранные по кругу мятые рубли, пахнущие углем и мазутой и сказали, не унижая вдовы: «Подавайся-ка ты, Наталья Прокопьевна, в деревню, тут на производстве тебе не прокормить ребят, да и самой не выжить, там худо – бедно картошку вырастишь, да и с куском хлеба в деревне проще. Мы тут собрали малость, на первое время вам хватит, а там люди помогут».

Сложила Наталья Прокопьевна на легкую тележку, изготовленную Иваном, нехитрые свои пожитки, поклонилась всем, кто пришел проводить их, и покатила с дочерью да сыновьями в пугающую неизвестность. Ночи коротали у придорожного костерка, разводимого ребятами, днем шли обочиной тракта. Путь – дорожка вела их в поселок Залари,

где живет их дядя Павел, он даст дельный совет, куда идти и как жить дальше. Как и следовало, он встретил племянницу с детьми по родственному тепло, накормил, приютил и подтвердил правильность совета деповских рабочих относительно деревни, а на постоянное жительство, сказал дядя Павел, обнимая детей, идите в Мардай, к пондальским чухарям – люди своих в беде вас не оставят. ... Как только солнышко выглянуло из-за холмов лесистых, пошла семья покойного Ивана Медникова по проселочной пыльной дороге навстречу деревенскому счастью. Впереди, вообразив себя лошадкой, шагает в оглоблях с тесьмой на груди вместо хомута, старший сын Алексей, рядом с ним младший Вася семенит, стараясь не отставать от брата.

Мать с дочерью Анной идут следом. Попутные деревни за поклон «Ради Христа» потчуют ходоков, кто горбушкой хлеба, кто пирожками одарит, а иная хозяйка и блинчиком горячим угостит. Алексей сует пирожок Васе от себя – ешь, теперь он самый старший из мужиков в семье и, как напутствовали друзья отца: «Мужайся, дружок! Ты теперь кормилец у матери, на тебя вся ее надежда».

Многолюдный Мардай встретил семью Ивана Медникова с добром, как принято у вепсов, приютили, накормили, помогли перевести с Сухого Мардая пустующий дом и поставить к осенним холодам рядом с помещьем Дмитрия Ивановича Копытова. Печку из сырого кирпича сложил пришлый мужик по прозвищу «Горемыка». Через неделю проверил «работу» дымохода, попил чайку с хозяйкой за наспех сколоченным столом, поклонился в пояс, взял свой батожок и со словам «Живи и радуйся в тепле!» ушел... И потекла жизнь переселенцев

на гостеприимной земле Мокрого Мардая в трудах и заботах. На колхозной ниве трудилась мать семейства, зарабатывая трудодни, следом за ней взяла серп в руки Аня, а через недолгое время стал колхозником и Алексей. Прочно поселился в доме достаток и на его основе построили рядом со старым кособоким новый просторный дом с высоким крылечком. В чередѣ вѣшних зорь и благодатных осеней не заметили, как пробежали годы. Вырос и возмужал кормилец. Теперь он в деревенской среде звался Алексеем, а для центральной конторы был Алексеем Ивановичем – рядовым членом колхоза имени Сергея Мироновича Кирова. Неуемный характер колхозника жаждал больших дел и задумал Алексей попробовать свои силы на строительстве гидростанций Ангарского каскада, да помешала война, пришлось солдатской каши отведать, и только уже закаленным в боях тружеником вернулся, как в бой строить Братскую гидростанцию.

Отвел душу, умылся буйством Падунских порогов и затосковала совесть по земле – кормилице, да так, что и не мила стала и воля и кошт производственный, вернулся в деревню... Теперь в утихшем вихре лет и дел можно с уверенностью сказать так: пахал землю, сеял хлеб наш насущный и убирал его, косил траву на лугах и слыл передовиком. На любой колхозной работе горел стахановской искрой – две нормы, как правило, а порою и три. Ходил по земле прямо, глаз от людей прятать не было нужды, крыл правду – матку в лицо, за что был не очень любим начальством, да и деревенские не все его уважали за эту прямоту. Часто вспоминал он отца большого, сильного среди деповских слесарей и у паровоза в клубах пара около огромных красных колес. Всегда и во всем он

старался быть похожим на отца, коммуниста старой рабочей закалки и по возвращению в деревню, вступил в ряды коммунистической партии. И вот еще одна деталь немаловажная его биографии: в той не троганой дикими «новациями» деревне многолюдной и веселой, девчата жили красивые, статные, работающие и, как принято, тайком ждали сватов и, сообразуясь с законами природы, выходили замуж.

Мой герой, лаская взглядом местных невест, привез себе жену с Вологодской области, где родился сам и где до сей поры живут его далекие и близкие родственники. Нашел он себе там тихую покладистую, чем-то похожую на него крестьянку и стал жить да поживать в завидном согласии. Чтобы оставить потомкам память о себе, купил фотоаппарат «Киев» и как обычно, все делая с душой, освоил эту механику основательно. Хозяйский лад, душевный покой и достаток прочно укрепились в семье, подрастали девочки, привыкла к новой для нее суровой земле жена, что еще надо? Живи и радуйся, моли Бога, чтобы продлил эти дни. У обоих веселый нрав, легкая походка и быт по принципу: чем богаты, тем и рады, без зависти и злобы ...

Нынешним путешественникам, привольно восседающим в уютных креслах комфортабельных теплых автобусов, кажется невероятной и неоправданной езда в открытых кузовах попутных грузовиков «захаров» и летом и зимой многие десятки и даже сотни километров. Наше поколение в полной мере испытало такое средство передвижения. Вот и Алексей Иванович возвращался в тот злополучный день из районного центра в свою деревню, пристроившись на фанерном ящике у левого борта трехтонки. Когда до дома оставалось совсем немного, нав-

стречу лихому колхозному шоферу стремился, тоже на предельной скорости лесовоз. Вывалившийся из сцепки хлыст не успел разглядеть один водитель и не захотел из-за своей халатности другой, а до беды оставались считанные секунды... Знать бы где упадешь, соломки постелил бы, гласит народная мудрость, и Алексей, сиди он лицом встречь движению, упредил бы беду, отпрянул бы в сторону, но случилось неотвратимое – тяжелым лиственничным хлыстом при встрече автомобилей снесло его с ящика и оторвало правую руку вместе с рукавом телогрейки. Рядом с ним, кутаясь от ветра и холода, сидела учительница биологии Больше-Усовской средней школы Екатерина Павловна Иванова. Толи от удара о задний борт, толи от нервного стресса, она захворала и вскоре умерла. Очевидцы аварии рассказывают, что Алексей Иванович уже искалеченный и оглушенный в шоковом состоянии или, как говорят в народе в горячке, все пытался помочь женщине подняться на ноги и никак не мог понять, почему его не слушаются руки, такие привычные к работе.

Так закончилась эта поездка. Горе семье, муки и невыносимые страдания ему от бесконечных операций и перевязок, систем и переливаний крови. Как называется это состояние при потере конечности и неудачном хирургическом вмешательстве, я не знаю, больной называл ее «фотонной». Иркутские хирурги должны помнить этот случай: руки нет, а она болит, будто ее жгут огнем и выворачивают из суставов. Приступы следуют один за другим с периодичностью в пятнадцать – двадцать минут, днем и ночью, год за годом на протяжении пятнадцати лет!!! Совестно и грешно вспоминать, но я иногда умышлено избегал общения с ним. Не было сил видеть, как он корчится при каждом приступе и каплями пота покры-

вается его лоб. Мне было невыносимо больно от его боли, а как он-то терпел столько лет?

Катились годы, как мяч под гору для тех, у кого не болело и не страшил грядущий миг и жил ЧЕЛОВЕК, не потерявший веру в исцеление. О! Как он верил и ждал и наступил день избавления – Алексей Иванович по направлению Облзддрава попадает в институт имени Склифосовского, опять уникальная операция, уж, которая по счету! и НЕДУГ ОТСТУПАЕТ.

Как ребенок он радуется избавлению от нечеловеческих мук, смеется и плачет, он готов целовать весь мир и телеграфирует жене: «Жив. Здоров. Целую. Обнимаю. Алексей». «Я ведь, Сергеевич, заново родился, – признавался он по возвращении, – не верится, что так может быть, жить не болея. Хорошо – то как, Господи!» ... Не один раз брался я написать о нем по свежим следам событий, но эмоции затмевали истинность происшедшего и всякий раз откладывал в сторону приготовленный лист и лишь теперь на временном расстоянии лучше видится все, что вблизи рисовалось в одних мрачных тонах.

Признаемся себе хотя бы, часто ведь мы, не обремененные тяжестью обстоятельств при здоровых руках и ногах, хнычем по любому поводу, свои мелкие житейские невзгоды возводим до величины трагедии и пускаемся в скандалы, брюзжание и пьянство, оправдываясь перед близкими и собой невыносимостью тягот, и в то же время жил рядом с нами ЧЕЛОВЕК, испытывший на себе по воле случая все муки ада и не взял в рот спиртного, а мог бы и никто не осудил бы его за это, но ОН выстоял, победил дьявольский соблазн и даже к табаку не приник. Мало того, он заставил себя взяться за журналистскую работу, научился писать левой рукой и

продолжал заниматься фотографией /с одной-то рукой!/ Все эти мучительные годы никому не жаловался на свою судьбу, напротив, старался поднять дух собеседника и в поисках материала для своих коротких новелл ходил пешком из деревни в деревню в любую погоду. Не в силах скрывать свой недуг, он все же выискивал и находил незаслуженно забытых героев глубокого тыла, инвалидов, отдавших свое здоровье на войне и сам отвозил свои рукописи в редакцию районной газеты «Аларь»... Я следил за его корреспонденциями, с интересом читал их и не переставал удивляться тому: где он черпал силы для стоической борьбы за достойную жизнь? Где? В чем? В каких арсеналах неистребимого Духа?

Вопреки всему, он сибиряк, от скудных своих сбережений ездил все эти годы на праздник Культуры и Духовности малых народов Севера. Из последней поездки привез мне ЕВАНГЕЛИЕ от МАРКА на нашем родном вепсском языке. Отличительной чертой ветерана войны и труда Алексея Ивановича Медникова была его свирепая нелюбовь к спиртному, он ненавидел пьянство в любом проявлении, а пьяниц, на которых не действовали его увещевания, обходил далеко стороной. Мы часто с ним говорили на эту тему, и он хорошо знал моего деда Антона Федотова по прозвищу «странник» /в третьем колене по отцовой ветви/, который всю жизнь свою проповедовал в народе ЗАКОН БОЖИЙ и в своей холщевой суме носил при себе БИБЛИЮ в древнем кожаном переплете. Заканчивая чтение очередной проповеди, он закрывал книгу книг со словами: «Проклят тот, кто ждет лучшего. Аминь».

Рядом с Алексеем Ивановичем шла по жизни все эти годы, чуть ли не больше его, страдая его муками, жена и

друг ЕВДОКИЯ – моя Дуся, как звал он ее. Я думаю, что именно эта малограмотная по образованию и невероятно высокого супружеского долга представительница древнего вепсского народа являлась той опорой, которая держала его в бойцовой форме. Он любил ее нежно и праведно, как может любить свою жену муж – однолюб, открывший в ней ту черту характера, которой ему в самом себе так не доставало. К ней он спешил из Ангарска, от дочери, в последний день своей жизни и для нее хотел купить в попутной аптеке лекарства, ринувшись из рейсового автобуса на проезжую часть улицы. Этот порыв его оказался последним порывом, в спешке он забыл тысячу раз повторяемое правило для пешехода: «Трамвай обходи спереди, а автобус сзади» и эта оплошность стоила ему жизни.

ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ ПРОШУ

«... Родина моя, хочу, чтоб услышала еще одно мое признание в любви ...». Первоначальные слова этой песни запали глубоко в душу с первой минуты, как услышал я их в начале семидесятых годов. К стыду своему, не знаю кто написал ее и весьма жалею о том, что ни в одном песенном сборнике не нашел ее слов, а мелодия напетая Кубанским Народным Хором, помнится и живет во мне и идет рядом со мной по творческому пути вот уже пол века. Где бы я ни бродил с неизменными своими спутниками – записной книжкой и альбомом – всюду со мной эти милые сердцу слова и мелодия звучат, как чуткий камертон.

Русская песня ...Русская душа ... Русский характер. Кто может сказать из ныне живущих: я знаю секрет этих понятий. Никто! К этой тайне можно приблизиться и то весьма условно через Федора Михайловича Достоевского, если хватит духу и умения проникнуть в таинственный слог междустрочья, «где жарче пламень, чем в строке».

При встречах со школьниками и почитателями редкого таланта, дарованного Богом, приходится отвечать на неизбежные в таком случае вопросы: кто мой любимый писатель, поэт и любимая песня? Можно ли однозначно ответить на любой из этих вопросов ... Карамзин, Чехов, Короленко, Бунин, Толстой, Белов, Пиккуль, Распутин, Проскурин. Целая плеяда и все удивительно талантливы. Кому отдать предпочтение, чтобы не внести смуты в юные сердца, они так ранимы. И все таки, есть у каждого из нас свой заветный узелок ко всему. Есть он, разумеется, и у меня – это Дмитрий Михайлович Балашов, талантливейший писатель и столь же великий знаток истории Древней

Руси с ее неповторимой судьбой. Из поэтов люблю Константина Рябенского и Николая Рубцова, преклоняюсь перед необъятным талантом Юрия Кузнецова, безвременно покинувшего нас. Я не упоминаю здесь ни Пушкина, ни Лермонтова, они, бесспорно, любимы нами с раннего детства и будут таковыми до самого смертного часа, ибо вся сознательная жизнь наша украшена их чудодейственными словами от сказок Арины Радионовны, Пушкина и бессмертных стихов Лермонтова.

Ну а музыка, а песня? Мне было семь лет, перед самой войной, когда отец купил в цыганском таборе патефон и вместе с ним чемоданчик с пластинками да набором иголок. В этой покупке были пластинки русских старинных песен, музыки, частушек и даже басней И.А. Крылова «Седок и извозчик». Моей любимой пластинкой стала увертюра к опере «Иван Сусанин». Я, конечно, не знал в свои семь лет значение слова увертюра, но мне казалось, что слушая эту музыку, я представлял ход событий далекого шестнадцатого века: вот идет без страха с твердым намерением запутать следы, ведущие к Москве русский большой мужик, подпоясанный кушаком, а за ним разноряженная толпа поляков – шляхтичей. Чем дальше, тем темнее лес и, наконец, перед толпой стена непроходимого муромского леса, а под ногами, прикрытая снегом гибельная топкая зыбь. Нет больше хода ни вперед, ни назад. Разъяренная толпа тесно обступает проводника и жаждет мщения. Падает обезглавленный Сусанин и тонут в рыжем провале с криками и мольбой о спасении незадачливые завоеватели.

Крутится на пружинном диске пластинка, шипит иголка по едва заметной звуковой дорожке и вдруг: «Ревела буря, гром гремел ...». Можно себе представить

сколь трепетно воспринимала юная душа трагедию дружины казачьего воеводы Ермака, застигнутого врасплох в грозовую ночь у бушующего в пенных брызгах Иртыша ... Я не встречал в своем кругу человека, который бы не преобразился душой, услышав хоть однажды вальс Георгия Васильевича Свиридова к повести Пушкина «Метель». Это же определение можно отнести к творческому полету Гаврилина, Шаинского, Пахмутовой. Да и невозможно себе представить жизни без красивой талантливой музыки и задушевной песни. Пишу я эти строки, а с нижнего края деревни доносится в растворенное окно «Расцвела под окошком белоснежная вишня» ... Кто-то из дорогих моих родственниц так проникновенно выводит задушевные порывы Г.Ф. Пономаренко, что достает до самого донышка и долго, долго после затишья, слова наполненные музыкой оборванной струей поют в памяти.

Моя сестра Мария Сергеевна в годы войны и после тяжкого лихолетья вместе с Родиной Екатериной Васильевной и Марией Осиповной Белохребтовой были признанными запевалами, хоть в самодеятельном хоре, хоть в гулянке, хоть на посиделках, а уж если в поле запоют вечерней порой – ветры утихают ... Отойдут душой вдовы, забудутся невзгоды, преследующие крестьянскую долю и благодатно расстанутся у своих подворий клятые и битые, обманутые и обласканные, всеми житейскими ветрами перецелованные неустанные деревенские труженицы. Не их ли болью душевной заразился Геннадий Заволокин с братом Александром и растянул свою «Хромку» на всю необъятную Русь. Как знать?! Если не все, то большая часть его мелодичных станцов, Божьей Милостью, посвящена сельской жизни и ее основе – ЖЕНЩИНЕ МАТЕРИ, БЕРЕГИНЕ ... Злой рок отнял у нас

этого замечательного поэта, композитора, музыканта, верного сына Отечества, патриота высшей пробы. Отрадно это сознавать еще и потому, что на фоне рыночных преобразований, патриотическая мысль, загнанная в тупик, и так заколочена, что освободить ее может только былинный витязь, о котором мы забыли напрочь, или сам народ, стряхнувший с себя путы летаргического сна и осознавший всю меру ответственности перед потомством.

Зная народной музыкальной духовности, поднятое отцом, не упало с его гибелью. Дочь Анастасия и сын Захар подхватили его, укрепляя добрую память об отце в людях. Народ не забывает своих героев и гордясь своей неиссякаемой силой духа, рождает новых подвижников. Так на стыке тысячелетий, на полузабытой ниве русской народной мелодии и запел свою неповторимую песню сибиряк Заволокин. И вспомнила Россия тульскую голосистую гармошечку, растянула меха свои с ситцевым красным узором и пошла шагать через дурацкие препоны и глупостью людской созданные границы между народами бывшего Союза. Тут тебе и «кадриль» забытая, «подгорная», «цыганочка» с «сербиянкой», «корабейники» и конечно же любимый народом вальс «На сопках Манчжурии».

Взгрустнули чуток и вот уж к удали молодецкой зовут гармонисты. Шапку оземь! Рубаха нараспашку... шубейка летит из круга на руки молодкам... и пошел плясун в присядку, и пошел выделывать коленца заковыристые, успевай только припевку шальную в притопку его вернуть. Эк м-а-а-а! забегай кума любоваться! ... В какой бы уголок страны ни заносили пути – дороги этих поборников исконно народного творчества и самобытного русского начала, всюду Анастасия с Захаром становятся центром

многочисленных любителей музыки, песни, частушки, шутки. Внимая их песенно-молитвенным откровениям под аккомпанемент приглушенных звуков баяна и оркестра народных инструментов, веришь: ЖИВА РУСЬ и не иссякает СИЛА ДУХА ЕЕ.

В России всегда любили петь и по сей день любят; поют в радости, поют в горе, поют в печали, дабы излить душу. Да и чем можно выразить боль души, как не песней? Она доподлинно передаст вам и горечь измены, и пламень любви, и славу труда, и высоту подвига. Все зависит от того, в чьем сердце родился поэтический стих и чья рука положила их на музыку.

А.С. Пушкин любил слушать русские песни и при всякой возможности записывал хороводные, обрядовые и свадебные напевы. А как трепетно отзывался о них Лев Николаевич Толстой! Он часами просиживал летними вечерами в беседке, слушая, как его крестьяне выводят певучими голосами задушевную песню.

Американский философ Джон Стюарт Милль в беседе с Горьким сказал: «Я мало знаю русскую литературу, музыку и поэзию, но все что я знаю, рисует русских изумительно, бешено талантливыми людьми».

НОСТАЛЬГИЯ

На юбилей Анны Сергеевны съехались гости и родственники к обеду, благо день выдался сухой, ясный, солнечный и проселочные дороги оказались проезжими. Покидая салоны иномарок, почтенные гости озирались с удивлением, будто их привезли на землю неведомого царства. Привыкших к городским теснинам, асфальту и площадям с цветочными газонами, их удивляло тут все: и ширь необъятная, и высь сине-голубая, и воздух, напоенный чем-то необычным полузабытым, но до боли знакомым запахом скошенных подсыхающих трав. Он пьянил горожан и настраивал на лирический лад. Кто-то вспомнил Кольцова с Никитиным, кому-то захотелось запеть про степь широкую и всем тут стало как то хорошо и радостно.

Виновница торжества, одетая в просторный сарафан цветом черного горошка, встречала гостей за массивными дощатыми воротами, степенно отвечала на вопросы, стыдясь ветхости давным-давно возведенных построек, а ее подружки и знакомки по городской жизни, суетились вокруг нее, хвалили за умение держать себя в жизнерадостном духе и засыпали бодряческими эпитетами, успевая выразить недоумение ее выбору поселиться в этом глухом углу.

Вскоре гостей позвали к столу и Анна Сергеевна, облегченно вздохнув, пошла вслед шумной компании. Теперь, сидя за столом на почетном месте она принимала поздравления от детей, уже не молодых, со следами усталости на лицах, едва скрываемых макияжем: от родственников, знающих тяжкий жизненный путь этой женщины и

от внуков с лихой беспечностью во взгляде и словах неумелых поздравлений. Тосты сменялись тостами один другого мудрее и вскоре застолье зашумело от выпитых вин с наливками, кто-то затянул было песню, но ее никто не подхватил и она заглохла в говоре и смехе. Виновница торжества уже притомилась, смотрела на всех и не видела никого, ее сознание и память в эти минуты были далеко от богато сервированного стола по месту и по времени... Вот она бежит по лесной дороге с тремя рублями во вспотевшей руке, чтобы купить в Коротаеве бутылку водки для Мардайских «активистов». Почему их называют люди активистами юная Аня не знает, но когда они приходят в дом, что-то меняется в отце и матери: они бледнеют, начинают суетиться и стараются угощать этих трех мужиков. Детское сознание каким-то скрытым чутьем догадывается, что родители не любят и боятся их. В лесу темно и страшно, вернуться бы, но перед глазами дрожащие руки матери и слова: «Беги с Богом, дитячко, беги». И Аня бежит, бежит... и вместо деревни Коротаево перед ней гумно на высококой пади с огромными скирдами сжатой по осени пшеницы. У начатой крайней скирды ее комбайн «Коммунар» молотит хлеб... свирепый зимний ветер полощет алое полотнище переходящего красного знамени, врученного Анне к пятьдесят девятой годовщине Великой Октябрьской революции за высокие показатели работы в уборке зерновых... Около комбайна чуть ли не вся бригада колхозников, каждый на своем месте, каждый знает свое дело. Под тяжелым знаменем с образом Ленина шум, гам, пыль, в бункер сыпется золотистое тяжелое зерно, чтобы через какое-то время в умелых руках стать хлебом. «Коммунар» послушно вертит шестеренки и цепи

от зари до зари под присмотром комбайнера Ани, но и машина устает, хоть и железная. В какой-то миг заскрежетал его механизм и замер. Девчата и парни отряхиваются от пыли и бегут к шалашу, к костру, а комбайнеру надо разбирать с помощью мужиков «больной» узел и после ужина ехать в МТС за двадцать пять километров искать слесарей, освобожденных бронью от призыва на фронт и ремонтировать поломку. Скрипит снег под полозьями саней, ходко бежит конь, запряженный отцом, искрится то поле, то лесная поляна под луной. На дворе декабрь – время волчьих свадеб, боязно одной в зимнюю стужу и шепчет Аня молитву, заученную в церковной книге матушки ... и едет девчонка вопреки всему, потому, что утром комбайн должен работать, за простой – строгий спрос – ВОЙНА.

Внуки, выросшие в эпоху перестройки, решили преподнести бабушке минуточку улады и включили привезенный из города магнитофон. Загремела какофония звуков, называемые теперь музыкой и две парочки самых веселых и резвых подружек бабы Ани выскочили из-за стола и задвигались в такт ударнику. Мужская половина вышла во двор для перекура. Этот шум-гам вернул Анну Сергеевну из забытья и помог влиться в компанию подруг-ровесниц, затянувших старинную русскую песню: «То не ветер ветку клонит», благо кто-то догадался вынести механического производителя убийственных децибелов, и сам собою утих людской гомон под напевом живых голосов ...

Сорок лет жизни в городе не принесли ей душевного покоя. Никто не знает, что все эти годы в душе Анны Сергеевны жили два человека, два ангела. Днем она была

горожанкой и все делала соответственно тому и дома и на работе, сначала в жеке, а потом в больнице на посту санитарки. Когда на землю опускалась ночь и семья укладывалась спать, к ней приходил сон, которого она ждала целый день. Всякий раз ей снилась деревня с широкой травянистой улицей, ее корова «Зоря», которая доилась не молоком, а сливками, как говорили с завистью соседки: курочки рябенькие снились с белым горластым петухом и, конечно, овечки со сноровистым бараном, не переносившим хмельного запаха, а от похмельного перегара, если случалось слышать, он просто сатанел. Часто снился ей отец катающим валенки в густом банном пару раздетый до пояса. Он умел работать и его валенки отличались высоким качеством, за это заказчики при расчете вносили доплату к назначенной цене. Отец молча отсчитывал положенную сумму, а доплату неизменно возвращал со словами: «Мы лишку не берем!» переубедить его, практически, было невозможно. Матушка снилась то у русской печки с ухватом, то у кухонного стола за стряпней, а чаще всего в кругу ее сверстниц – вепсянок за чтением Евангелия или досуге с книгой стихов Ивана Сергеевича Никитина, которого она беззаветно любила. Эти видения-картины и вепсский говорок были такой многокрасочной явью, что порой вставала она по утрам тяжело, нехотя, боясь расплескать содержимое хрустальной вазы памяти, чем та что ждала ее в реальной жизни. Через шумную и торжественную атмосферу веселья ей виделись лица и события былого, живущего в ее завидной памяти и слушала она заздравные речи, читаемые авторами из небывало изукрашенных фолиантов, точно из другого потустороннего мира, глухие, чуждые для ее понимания, поэтому не нужные ей в этом доме и в этой деревне ...

Нежданная дрема, рожденная шумной разноголосицей взяла ее на руки, как матушка бывало в детские года, и понесла от сибирских березовых просторов к родине милой на Вологодскую землю, а там одному Богу известной тропинкой привела в светлый ельник и она вмиг, опьянев от земляничного духа, присела на мшистую кочку и задремала в сладостной истоме и, казалось, вечность пронеслась над нею, ласково шевеля уходящие в поднебесье вершины дремучих елей ... Анна Сергеевна вздрогнула от этого видения и даже обрадовалась застольному шуму, донесшемуся до ее сознания и невпопад отвечая на вопросы товаров, подняла фужер с серебристым вином, предлагая им выпить за любовь.

Прошлой зимой умер ее двоюродный брат, который жил в этом доме, в доме, где после войны началась ее супружеская жизнь и потому она, не раздумывая, купила это жилье, запущенное до неузнаваемости. Оформив бумаги, собралась с силами, на сбереженные деньги купила краску и приступила к ремонту. Пришла соседка Анна Степановна и за небольшую плату взялась покрасить потолок со стенами, племянники заверили, что вспашут огород.

Когда прошел слух об этой купле-продаже, стали наведываться дальние родственники и просто знакомые через давно умерших родителей и в сознании каждого возникал вопрос: зачем ей, старухе почтенного возраста, понадобилось создавать эту канитель, если в городе благоустроенная квартира? Одни хвалили ее за такой рискованный шаг, другие участливо вели разговор, пристально разглядывая на предмет здравого ума, а в общем те и другие были чуть ли не рады поводу для разговора и пересудов. А Анна Сергеевна с завидным упорством целыми днями топталась по подворью, устраняя

то, что по ее мнению мешает жить и из-за лености родственника заросло быльем сверху донизу.

Задолго до сегодняшнего торжества приехал из города ее старший сын с невесткой «на смотрины». Он без торопливости обошел весь двор, через заросший бурьяном огород прошел к воротам усадьбы, не поленился заглянуть в хлев, давно не видевший скотины и даже баньку окинул беглым взглядом для порядка. В дом он вошел бочком пригнувшись, будто в хрупкий сарай, готовый свалиться от одного его прикосновения, постоял в задумчивости посреди прихожей и только тогда многозначительно произнес: «М-м-д-а-а-а!».

Младший сын – копия, безвременно ушедшего из жизни отца, и обликом и деловыми качествами, окинув острым взглядом поместье, и не найдя в нем ничего, что могло бы возмутить его сознание сказал: «Любишь ты, мать, создавать себе искусственные трудности!». Сказал и поужинав наспех, тут же не мешкая умчался обратно в город.

Ни сыновья, ни невестки не одобряли решения Анны Сергеевны и не могли с высоты своей возрастной «кочки» зрения понять, что заставило ее вить гнездо для себя в старом доме, в заброшенной деревне без дорог, без связи и даже без намека на элементарные признаки инфраструктуры. На их критические суждения она не сердилась, не оправдывалась, что должно было быть, и не судила их верхоглядство, лишь украдкой улыбалась мудрой улыбкой старого человека, знающего цену жизни и то, к чему придут и они в свой срок ...

Проводив гостей за ворота, как принято на Святой Ру-

си, она стояла на зеленой лужайке, освещенной закатным солнцем и не торопилась уходить в дом. Голова ее еще шумела от юбилейного застолья, но благодатная погода и необычная тишина с воздухом, напоенным живительным ароматом мелисы да полыни, уняли подскочившее было давление и успокоили душу. Вздохнув облегченно, отошла Анна Сергеевна к палисаднику, опустилась на теплую скамейку и залюбовалась величественной закатной зарей, охватившей размахом розовых перистых облаков пол неба. Невольно представила свою квартиру в Ангарске, зажатую высоченными домами со всех сторон, там не то, что закаты, да рассветы, солнышка-то не увидишь ладом. Вспомнила свою сестру Машу, которая уже много лет после смерти мужа, безвылазно живет – поживает в своей двух комнатной квартире и не знает как искрится снег под луной и как приходит весна на землю. Дети Анны Сергеевны назвали Мардай захо-лустьем, а мать ожила тут, помолодела душой, стала даже забывать свои застарелые болячки, мучившие ее в городе. Она и лицом посвежела, что не без зависти отметили городские подружки, скинула городскую серую маску тоски и усталости. Избранная ею для доживания своего века разоренную, по высокому недомыслию, деревенька в восемь дворов, стояла под высоким небом без натуги и шума, от которого убежала она по ее выражению: на всю оставшуюся жизнь.

МЕЧТА

Мне было пять лет, когда отец собирался в район по каким-то своим делам и взял меня с собой. Тогда автомобили не мучили дорог и не поднимали пыль до неба. Выехали мы рано утром до солнышка, под нами легкий ходок, в оглоблях каурая кобылица «Машка» бежит ходко, помахивая хвостом. Дорога стелется лесом с бугра на бугор, а по сторонам ее пламенеют жарки среди молодых только что распустившихся березок с маленькими блестящими листочками. Мы дышим необыкновенно чистым воздухом, напоенным ароматом трав, леса и земли. Когда отцу надо закурить, он останавливает кобылу, достает из кисета щепоточку махорки «вергун», отрывает из газеты кусок бумаги, заворачивает сигарку, прикуривает от зажженной спички, и снова мы продолжаем путь. Когда солнце поднялось над лесом, внизу под горой я увидел цель нашей затеи – поселок, а перед ним железную дорогу и паровоз, который тащил за собой много, много домиков – это были вагоны, как объяснил мне родитель.

Пока батюшка справлял свои дела, потом на постоялом дворе кормил лошадей, я не спускал глаз с железной дороги, по которой шли и шли поезда одни на запад, другие на восток. Завораживало меня все: и сами черные горячие паровозы на больших красных колесах, ритмическое дыхание топки и дыма со стуком колесных пар-все впитывалось в мое детское сознание и память, да так что с того дня на многие годы оказалось красивой желанной мечтой стать МАШИНИСТОМ ПАРОВОЗА.

Сколько раз, не счесть, за все шестнадцать лет в воск-

ресные летние дни ходил я пешком и ездил на велосипеде с Мардая в Кутулик за пятьдесят километров только для того, чтобы увидеть свою мечту! ... Встану на зорьке с теплой постельки, умоюсь, позавтракаю, возьму в руки мешочек, приготовленный матушкой с пирожками, пареной репой да бутылкой молока и, вверившись родительскому напутствию: «Иди с Богом!» отправляюсь привычной дорогой. Приду к переезду, сяду в тенек и провожаю взглядом поезда, в голове которых он ТРУЖЕНИК ПАРОВОЗ с улыбчивыми чумазыми машинистом, помощником и иногда кочегаром в окне.

К сожалению, не суждено было сбыться моей мечте и виной тому все убыстряющая свой бег безжалостное время и технический прогресс, когда пришла пора по возрасту и образованию поступить в школу машинистов паровозов, на смену моей мечте пришел на стальные пути электровоз – будь он неладен! Когда я отслужил свой срок армейский и вернулся домой, встретил нашего школьного учителя математики Сергея Михайловича Карпова. Слово за слово, поговорили, вспомнили школу, потом он говорит: «Знаешь что, приходи-ка ты в мою школу машинистов электровозов». «Нет, Сергей Михайлович, не приду. Верните мне паровоз!» «Это, Сашок, не в моих силах. Вчерашний день вернуть нельзя никому». Учитель прав – прошлого не вернешь. Жить надо настоящим и будущим.

АНОМАЛИЯ

Одна тысяча девятьсот тридцать восьмой год. На площадях Германии пылают огромные костры, и корчится в их пламени мировая литературная классика. «Халь!» - орут парни в коричневых рубашках и, торжествуя, кидают в огонь Льва Толстого, Александра Сергеевича Пушкина, Генриха, Гейне, Омара Хайяма. Готовится вторая мировая война. А мы живем в любимой Советской стране, мы играем на теплой зеленой лужайке и у нас одна на всех, но очень интересная и дорогая игрушка – грузовой автомобиль «ЗИС-5», изготовленный умелыми руками слесарей Иркутского Куйбышевского завода тяжелого машиностроения.

Мы это мои соседи: Леня, Толя, Коля, Смирновы. Их старший брат Виталя уже работает в колхозе и зарабатывает трудовни, а мы еще дошкольники, над нами голубое небо, нас никто не притесняет, никто не угрожает нам ничем – Живи и радуйся! Сегодня особенно ярко светит солнышко. Июль месяц. В деревне только старики и дети – в самом разгаре сенокос, все, кто может и умеет работать, на лугу. Светило уже в зените. Слышим ребячий крик, визги на верхней улице, смотрим туда и видим, спускается по дороге в нашу сторону огромная женщина в два человеческих роста, наверно, одета во что-то черное и длинное, до самой земли, а в руках ярко-красный шарф или платок. Следом за ней бегут пацаны: Васька Лебедев, Санька Аншуков, Сашка молдаван по прозвищу «копченый» за смуглый цвет кожи и Родин Сашка. Они кидают земляными комочками в эту бабу, а те, не долетая до нее, рассыпаются в пыль. Кто из стариков и старух был на ули-

це, крестятся и быстро – быстро убегают по своим дворам. Нам тоже интересно это все и мы, хоть боимся, а бежим по теплому следу, удивляясь ее величине. Так мы дошли до старой березы за углом деревни. Теперь этой березы нет, как нет очень многого, связанного памятью с нашим детством, да ведь и деревни-то самой почти нет, Господи! Стоим, смотрим куда пойдет наше привидение, а она дошла до Высотских ворот, наклонилась, будто переломилась надвое, чтобы не удариться головой о перекладину и растворилась в голубом мареве за воротами так и оставшимися не отворенными ... Прошло много лет с того диковинного дня, я уже дожил до старости, а иных уж и нет с нами, но не выходит у меня из памяти это явление. Как и чем объяснить его? Когда мы учились в старших классах Больше-Усовской средней школы, задавали этот вопрос учителям нашим и всякий раз получали один ответ «Аномалия». Этот ответ ничего, практически не объяснял, слово греческое, древнее, а что за ним? Кто была эта женщина, и женщина ли, явившаяся нам столь необычным приведением? ЧУДО? Может быть, но почему оно избрало нас накануне кровопролитной бойни, унесшей миллионы жизней?

МАЛИНА

В пору нашего детства, это сороковые и пятидесятые годы прошлого столетия кровельным материалом в деревне служило дранье. Кто не знает, поясню: из ровного без сучков соснового сутунка (бревна) в два метра широким стальным «ножом» при помощи колотушки скалывается доска толщиной 15-20 миллиметров. Это и есть дранье. Такая драничная кровля служила человеку до стапятидесяти лет. Наверху мох и трава уже растет, а глянешь изнутри, будто только недавно работа сделана. И никакой дождь ей нипочем.

Летом в школьные каникулы мы, подростки, обычно были заняты колхозной работой. Мужики в тайге за двадцать пять километров дерут это дранье, а мы на быках, запряженных в фургоны, вывозим готовую продукцию в деревню на склад под навес. Вот и сегодня мы с Сашей молдованом по прозвищу «копченый» за смуглый цвет кожи, загружаем наши возы, а колхозники увязывают их. Солнышко клонится к закату, пора нам отправляться в обратный путь. Трогаемся, наши быки бежать не любят, идут ровным неспешным шагом. Впереди на нашем пути местечко «бугры». Когда-то давным-давно тут была деревня толи старожиллов, толи беглых людей, теперь пустырь с редкими догнивающими столбами, а между ними сплошные заросли черной смородины и малины. Сворачиваем с дороги, останавливаемся на ночевку, отпускаем быков на откорм, а сами решаем полакомиться спелой ягодой. Копченый избрал себе смородину, я – малину, ем и радуюсь тому, что не успел еще топтыгин память малинник. Ягода

сладкая, потянулся за крупной ягодой и каким-то внутренним чутьем чувствую и слышу, уходит земля у меня из-под ног, в долю секунды успеваю схватить ветку ягодника и прыгаю в заросли и слышу за спиной обвальный гул. Вылезаю из кустов и вижу: там, где я стоял... яма. Сердце от неожиданности и страха готово выскочить из груди. Кричу товарища, обхожу яму, и догадка осеняет меня: сруб колодца давно сгнил, и края земли держались корнями кустов и травы, стоило мне встать на край, и он сорвался. Подошел Саша, лег на живот, подполз к краю ямы и говорит: «Ты, однако, родился в рубашке, если бы угодил туда, была бы тебе хана, погляди, глубина-то какая и «аромат»- дышать нечем.»

Не успели мы поужинать, занятые колодцем, грохнул гром небесный и полил дождь, который через минуту перешел в ливень. Вместе с ним разверзлась небесная твердь оглушительным грохотом и небывалым непрекращающимся ни на миг всплесками молний – все слилось в единый стон, в завершение которого вся необъятная сила неба ударила по лиственнице, что стояла в полуверсте от нас, рассекла подобно цветку лилии и зажгла свечку. Ливень, однако, погасил ее.

Когда настало утро, мы не узнали места, что выбрали для ночевки – кругом вода! Запрягли мы быков, а куда ехать, не знаем, все залито водой. «Ты погоняй своих старых быков, они найдут дорогу, а я за тобой!» - кричит Саша. Так и вышло. Добрались мы домой к ночи, погладили благодарно своих бычков и пустили их кормиться на буйное разнотравье. Кошмарная ночь еще долго нам помнилась, но солнце и молодость всегда идут рядышком, радуя душу.

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

С раннего детства нас родители приучали к труду и своим обязанностям в семье. Как только весной растаивал снег, и нагревалась земля, в мою обязанность входило помогать отцу собирать березовый сок. «В низинах, - поучал отец, - сока больше, да он не сладкий, ты старайся дружить с березками на пригорках». В теплые дни сладкий сок по цвету желтоватый, такой радовал всех, особенно матушку с отцом и я старался изо всех сил находить такие березки, чтобы моя удача всем была по душе и родителям и сестрам.

Помнится мне, что весны в пору моего детства были поздними и теплыми. Поставишь, бывало, ведро под березку на ночь и с восходом солнышка бежишь к кудрявой на свидание и видишь, ведро полное, а по краю висят сладкие сосульки, вот уж где радость-то! Принесу эту «добычу», поставлю на скамейку около печки, а мать спросит: «Ты березоньку-то похвалил за такую работу?» Конечно, я забывал, хоть часто слышал ее наставление, и оно звучало так: «Когда приходишь, сынок, к березке, ты поклонись ей, обними, погладь ее беленький сарафанчик, попроси прощения за ту ранку, которая будет лить слезы в твоё ведро». Я внимал этим наставлениям и всегда забывал их исполнять, да ведь по глупости своей не спешил кормилицу – березку одушевлять и что, думал я даст ей мой поклон? Береза – она и есть береза! Только теперь, когда сам подошел к преклонному возрасту, вспоминая те юные годы, понимаю, как права была родительница и как мудра. Воистину, многие ли мои сверст-

ники знают, прожигая свои годы во хмелю, что мир вокруг нас живой, чувственный, ему так же больно переносить раны и наше дикое варварское отношение к природе. Поумнеет ли человечество когда-нибудь не знаю, не знаю, да что человечество?! В нас —то самих есть ли храм в душе и понимаем ли мы до конца, зачем пришли на эту ЗЕМЛЮ и что принесли с собой? Зачем Матери родили нас? Не уж-то только для того, чтобы переспать с женой, протопить печку, сварить суп, поесть и снова мять постель?! Должна же быть в каждом из нас какая-то БОЖЬЯ ИСКРА, желание быть похожим на ТОГО, кто сотворил все, что окружает нас. Ведь создал ОН нас ПО СВОЕМУ ОБРАЗУ и ПОДОБИЮ ... ДЛЯ ЧЕГО?

СОН ОДОЛЕЛ, ОКАЯННЫЙ

О годах войны много написано тяжелого, трагического и даже смешного. Что к этому добавить? Скажу так: хлебнуть этому поколению довелось по самую макушку и даже выше. Наши нынешние проблемы и трудности по сравнению с их нуждой беспросветной и слезами кажутся, просто смешными. Вот случай типичный для того времени ... Техник на колхозных полях управляли зачастую девчонки после кратковременных курсов и, случалось, болели от простуды и перенапряжения. Так вот, сменщик Маши Николук в районной больнице и подменить ее некому. Третьи сутки за рычагами мощного гусеничного трактора «НАТИ». Глаза девочки смыкаются, и к сознанию подкрадывается убийственное безразличие, невольно притупляется чувство реальности... час... еще... полчаса и ... человек засыпает вопреки всему. Неуправляемый трактор дошел до межи, а дальше у канавы, образованной вешними потоками, стоят две огромные старые березы. «Нати» обремененный плугом, зарывшемся в дерн, медленно, цепляясь гусеницами за березовую кору, лезет вверх и в бессилии глохнет.

Когда бригадир полеводческой бригады подъехал к горячему агрегату, трактористка спала сном праведника, притулившись правым плечом к дверце тракторной кабины. Федор Александрович, оценив обстановку, не стал будить Машу, а повернул своего мерина и поскакал в деревню. На коном дворе наказал конюху обрядить три пары самых сильных лошадей, попавшим под руку мужикам наказал куда ехать, что взять с собой, а сам заскочил до-

мой, наложил в корзину горячих пирожков с капустой и только после этого поднял на ноги тракторного бригадира и, обрисовав тому сложившуюся ситуацию, наказал по праву старшего не поднимать шума.

К приезду бригадиров плуг уже стоял на поле, и только трактор «отдыхал» в обнимку с березами. Лошадиной силой оттащили и его подальше от канавы. Теперь можно было будить и виновницу этой канители. Старый бригадир отвел полусонную Машу в сторонку, посадил рядышком с корзиной и наказал: «ешь, пока горячие, а то остынут, потеряют вкус». Лошади сделали свое дело, и мужики усаkali на них в деревню. Трактористка, позавтракав заботными пирожками, поцеловала бригадира в щечку и попросила помочь завести трактор. «Благодари Бога, что не загорелся твой «НАТИ», - сказал, сердясь и на Федора, уладившего дело с миром, и на трактористку, уснувшую за рычагами. Он пригрозил Маше кулаком, прячась от «деда», потом подошел к березам и долго стоял на краю глубокой ямы, могущей поглотить не один такой трактор вместе с плугами.

БУРЯ

Ожидание, а потом приход весны это всегда радость, это всегда волнующее чувство пробуждения, каждый день новое явление в природе. Первые признаки весны появляются на сельских дорогах, усыпанных и утопанных конским пометом, сенной трухой и дровяным мусором, они темнее снежного покрова и потому раньше нагреваются под вешним солнышком и дают жизнь первым едва заметным ручейкам. Раньше всех это замечают воробьи и вороны: первые оживляют проталины бесстрашно, хлопотливо, вторые украдкой, боязливо. Ворона – птица осторожная, чуткая хоть живет весь свой долгий век рядом с человеком. Уже середина апреля. Мы, подростки, каждый год с нетерпением ждем половодья и когда оно приходит, целыми днями живем у воды. Ни с чем не сравнимая студеная масса с шумом и угрожающим шорохом у наших ног несется вниз с копнами сена, жердями, досками, грязными пластами снега, оторванными потоком у скотных дворов на спине. Сегодня 15 апреля 1939 года, день на удивление теплый, почти летний. Такое тепло в середине апреля явление редкостное. На дороге стайка воробьев устроила драку, с конного двора доносится конский топот, ржание жеребца и ругань конюха. Около обеда откуда-то набежал легкий ветерок, шаловливо поиграл клочком овсяной соломы у дороги и ускакал дальше. Дым от нашей трубы жметя к самой земле, хотя по моему разумению должен уходить вверх. Чудно! Вдруг воробьи снялись с облюбованного места и всей стаей унеслись под сарай. Вороны тоже с криком взлетели и скрылись в ближнем

сосняке. Наступила какая-то зловещая тишина. Северный небосклон начал быстро темнеть и через минуту чернильная мгла затянула пол неба, еще мгновение и ураганный ветер, сбивая с ног, закружил дьявольским снежным вихрем и все вокруг померкло и потонуло в жутком реве. Казалось, что в этот миг взвыла сама земля вместе с небом. Я только успел забежать в избу, раздался страшный грохот и треск, будто богатыри рвут новую клеенку, спрашиваю у матери, что это? «Гроза, батюшко», - отвечает она и неистово крестит себя перед иконами. Помолившись, матушка зажгла керосиновую лампу. Окна, залепленные мокрым снегом, не пропускали совсем света, и дом наш скрипел и дрожал под натиском бешеного ветра, будто жаловался на свою участь. Ураган бушевал двое суток и лишь утром третьего дня так же умолк, как начался. Снег был так утрамбован ветром, что я без труда залез по нему на перекладину ворот и, когда взошло солнышко, невозможно было оторвать взгляд от картины, нарисованной» бурей – вся деревня тонула в искристом снегу, ни труб, ни крыш, сплошной сугроб и только одинокий колодезный журавль качался над белым царством.

Накануне бури две женщины меняли туески с брусничкой и корзины на муку и картошку. Через неделю, когда растаял снег, нашли их в версте от деревни под березами, а у дроги их санки с мукой и мешок с картошкой. Такой печальный след оставил не земле посланец неба во второй половине апреля.

КАК МЫ ИСКРУ ПОТЕРЯЛИ

Сельская техника в годы войны была «слепая» - без фонарей и нам, подросткам приходилось с керосиновыми фонарями «Летучая мышь» светить ночью перед трактором, чтобы тракторист видел борозду впереди. Работа эта была опасная, а для нас и страшная: осенние ночи темные, холодные, идешь по полю с фонарем и видишь только землю перед собой, а позади, ревет трактор.

Больше всего боишься споткнуться и упасть, да еще не дай Бог дремлет тракторист за рулем, тогда... Но при всей трагичности положения, случались смешные истории.

Меня бригадир прикрепил к трактористу колесного трактора «ХТЗ» /помните, со щипами на больших железных колесах/? Это был Павел Васильевич, человек общительный, веселый и шутник редкого склада.

Так вот, смена наша подходила к концу, тракторист вернулся на меже у прогона близ нашей деревни и заглушил мотор. «Все, Александр Сергеевич,- говорит он, соскочив с трактора и обтирает руки ветошью, - плакали наши с тобой трудодни!». «Почему?» - спрашиваю. «Искру мы с тобой потеряли!». «Где?» - говорю. «А хрен его знает где! Скорее всего, на том конце, когда разворачивались». «И что теперь?» - спрашиваю и жду, что он скажет. «Надо идти, дружок, на тот конец поля и посмотреть около старого пня, помнишь?» «Ну, помню», - говорю. «Раз помнишь, тащи сюда и будем кончать загонку». /Поле, на котором мы работаем, тянется от нашей деревни до другой на два с половиной километра. / Приказ есть приказ, беру фонарь и шагаю на другой конец, без искры, какая работа!? Я человек воспитанный в атмосфере послушания,

всегда готов выполнять наказ старшего по возрасту. Иду. Соображаю детским умом: как это мы могли искру потерять? Искра же не копейка! А ноги гудят – целая ночь позади: туда–сюда, туда–сюда с фонарем по стерне. Хорошо, что батюшка ичиги мне стачал, легкие, теплые... А вот и край поля, подхожу к старому пню, вглядываюсь – нет ничего, что бы могло светиться или прыгать. Лежит прислоненный к выступающему корню гусеничный башмак от трактора «ЧТЗ», но это же не искра, думаю, но ведь зачем-то он послал меня к этому пню. Стоять некогда, надо ведь нам загонку кончать. Беру башмак, кладу на плечо и иду обратно. Теперь еще тяжелее идти, соленый пот застилает глаза и все светлее становится, мешает фонарь. Зачем я его взял? Теперь вижу, около нашего трактора стоит МТСовская полуторка, подвода и люди. Я подхожу к трактористу, а около него человек в кожанке. Он спрашивает меня: «Что это у Вас?» Я говорю: «Искра». Он удивленно переспрашивает: «Что, что?» и смотрит на тракториста. Положение спасает председатель колхоза. Пантелей Савельевич подходит ко мне, поправляет мокрую шапку на моей голове и говорит: «Ты устал мальчик, иди домой, отдыхай. Спасибо тебе. Фонарь не потеряй». И я с чувством исполненного долга шагаю не спеша, подражая взрослым, а было-то мне в ту пору десять лет. Шел 1943-й год, и где-то далеко на западе бушевала война.

Содержание

Живи и радуйся	3
Любви к отечеству прошу	11
Ностальгия	16
Мечта	23
Аномалия	25
Малина	27
Берёзовый сок	29
Сон одолел, окаянный	31
Буря	33
Как мы Искру потеряли	35

Комп. набор: Дамбуев В.Т.

Комп. верстка: Михайленко Е.В.

Отв. за выпуск: Петрова В.Т.

Отпечатано в МБУК «МЦБ-М им. А. В. Вампилова»

669452, п. Кутулик

Аларского района

Иркутской области

ул. Советская, 35

тел. (8-395-64) 37-1-42

эл. адрес: lib – vampilov@bk.ru

